

Николай Бердяев

Пикассо¹

Когдаходишь в комнату Пикассо галереи С. И. Щукина, охватывает чувство жуткого ужаса. То, что ощущаешь, связано не только с живописью и судьбой искусства, но с самой космической жизнью и ее судьбой. В предшествующей комнате галереи был чарующий Гоген. И кажется, что переживалась последняя радость этой природной жизни, красота все еще воплощенного, кристаллизованного мира, упоенность природной солнечностью. Гогену, сыну рафинированной и разлагающейся культуры, нужно было бежать на острова Таити, к экзотической природе и экзотическим людям, чтобы найти в себе силу творить красоту воплощенной, кристаллизованной, солнечной природной жизни. После этого золотого сна просыпаешься в комнате Пикассо. Холодно, сумрачно, жутко. Пропала радость воплощенной, солнечной жизни. Зимний космический ветер сорвал покров за покровом, опали все цветы, все листья, содрана кожа вещей, спали все одеяния, вся плоть, явленная в образах нетленной красоты, распалась. Кажется, что никогда уже не наступит космическая весна, не будет листьев, зелени, прекрасных покровов, воплощенных синтетических форм. А если и будет весна, то совсем уже иная, новая, небывалая, с листьями и цветами нездешними. Кажется, что после страшной зимы Пикассо мир не зацветет уже как прежде, что в эту зиму падают не только все покровы, но и весь

¹ Эссе впервые напечатано в мартовском номере журнала «София» (1914. № 3. С. 57–62), издаваемом под редакцией П. П. Муратова. Позднее с незначительными поправками перепечатано в составе брошюры Бердяева, куда вошли три текста: «Кризис искусства», «Пикассо» и «Астральный роман (Размышление по поводу романа А. Белого “Петербург”）」 (*Бердяев Н.* Кризис искусства. М., 1918. С. 29–35; в брошюре даны репродукции шести работ Пикассо). Текст воспроизводится по первой публикации. — А. Р.

предметный, телесный мир расплывается в своих основах. Совершается как бы таинственное распластование космоса.

Пикассо — гениальный выразитель разложения, распластования, распыления физического, телесного, воплощенного мира. С точки зрения истории живописи понятен *raison d'être*², возникновение кубизма во Франции. Пикассо предшествовал такой крупный художник, как Сезанн. Французская живопись уже долгое время, со времени импрессионистов, шла по пути размягчения, утери твердых форм, по пути исключительной красочности. Кубизм есть реакция против этого размягчения, искание геометричности предметного мира, скелета вещей. Это — искания аналитические, а не синтетические. Все более и более невозможно становится синтетически-целостное художественное восприятие и творчество. Все аналитически разлагается и расчленяется.

Таким аналитическим расчленением хочет художник добраться до скелета вещей, до твердых форм, скрытых за размягченными покровами. Материальные покровы мира начали разлагаться и распыляться и стали искать твердых субстанций, скрытых за этим размягчением. В своем искании геометрических форм предметов, скелета вещей Пикассо пришел к каменному веку. Но это — призрачный каменный век. Тяжесть, скованность и твердость геометрических фигур Пикассо лишь кажущаяся. В действительности геометрические тела Пикассо, складные из кубиков скелеты телесного мира, распадутся от малейшего прикосновения. Последний пласт материального мира, открывшийся Пикассо-художнику после срывания всех покровов, — призрачный, а не реальный. Прозрениям художника не открывается субстанциальность материального мира, — этот мир оказывается не субстанциальным. Пикассо — беспощадный разоблачитель иллюзий воплощенной, материально-синтезированной красоты. За пленяющей и прельщающей женской красотой он видит ужас разложения, распыления. Он, как ясновидящий, смотрит через все покровы, одежды, напластования, и там, в глубине материального мира, видит свои складные чудовища. Это — демонические гримасы скованных духов природы. Еще дальше пойти вглубь, и не будет уже никакой материальности, — там уже внутренний строй природы, иерархия духов. Кризис живописи как бы ведет к выходу из физической, материальной плоти в иной, высший план.

Живопись, как и все пластические искусства, была воплощением, материализацией, кристаллизацией. Высшие подьемы старой живописи давали кристаллизованную, оформленную плоть. Живопись была связана с крепостью воплощенного физического мира, с устойчивостью оформленной материи. Ныне живопись переживает небывалый еще кризис. Если глубже вникнуть в этот кризис, то его нельзя назвать иначе, как *дематериализацией, развоплощением живописи*. В живописи совершается что-то, казалось бы,

² Предназначение; смысл (*фр.*). — А. Р.

противоположное самой природе пластических искусств. Все уже как будто изжито в сфере воплощенной, материально-кристаллизованной живописи. Искусство окончательно отрывается от античности. Начинается процесс проникновения живописи за грани материального плана бытия. В старой живописи было много духа, но духа воплощенного, выразимого в кристаллах материального мира. Ныне идет обратный процесс: не дух воплощается, материализуется, а сама материя дематериализуется, развоплощается, теряет свою твердость, крепость, оформленность. Живопись погружается вглубь материи и там, в самых последних пластах, не находит уже материальности. Если прибегнуть к теософической терминологии, то можно сказать, что живопись переходит от тел физических к телам эфирным и астральным. Уже у Врубеля началось жуткое распыление материального тела. У Чурляниса чувствуется этот переход в другой план. У Пикассо колеблется граница физических тел. Те же симптомы есть и у футуристов, в их ускоренном темпе движения. Реклама и шарлатанство, искажающие искусство сегодняшнего дня, имеют глубокие причины в распылении всякой жизненной кристалльности. Уже у импрессионистов начался какой-то разлагающий процесс. И это не от погружения в духовность, а от погружения в материальность происходит. Ранняя итальянская живопись была полна глубокой духовности, но дух в ней воплощался. В современном искусстве дух как будто бы идет на убыль, а плоть дематериализуется. Это очень глубокое потрясение для пластических искусств, которое колеблет самое существо пластической формы. Дематериализация в живописи может производить впечатление окончательного краха искусства. Живопись также связана с кристаллами оформленной плоти, как поэзия с кристаллами оформленного слова. Разложение слова, его распыление должно производить впечатление гибели поэзии. А ведь поистине совершается такое же распыление кристаллов слова, как и кристаллов плоти. Не буду говорить о футуристической поэзии, которая до сих пор не дала ничего значительного. Но вот Андрей Белый, которого я считаю самым оригинальным, значительным, близким к гениальности явлением русской литературы, может быть назван кубистом в литературе. В его романе «Петербург» можно открыть тот же процесс распластования, расслоения космической жизни, что и в картине Пикассо. В его изумительных и кошмарных словосочетаниях расплываются кристаллы слова. Он такой же жуткий, кошмарный художник, как и Пикассо. Это жуть от распыления, от гибели мира, точнее — не мира, а одного из воплощений мира, одного из планов мировой жизни³.

³ Возможен кубизм и в философии. Так, критическая генеалогия в последних своих результатах приходит к распластанию и распылению бытия. В русской философии последнего времени настоящим кубистом является Б. В. Яковенко. Его философия есть плюралистическое расслоение бытия. См. его статьи в «Логосе». Характерно, что в Германии появилась уже работа, проводящая параллель между Пикассо и Кантом. — *Прим. автора.*

И думается горькая и печальная дума о том, что не будет уже прекрасных тел, чистых кристаллов радостей воплощенной жизни, синтетически-целостных восприятий вещей, органической культуры. Все это пассатизм и пассатисты⁴ обречены на щемящую печаль, на вздыхание о прошлом, на жуткий ужас от гибели воплощенной красоты мира. Архитектура уже погибла безвозвратно, и гибель ее очень знаменательна и показательна. С гибелью надежды на возрождение великой архитектуры гибнет надежда на новое воплощение красоты в органической, природно-телесной народной культуре. В архитектуре давно уже одержал победу самый низменный футуризм. Кажется, что в мире материальной воплощенности, телесности все уже надломлено бесповоротно, все уже *détraqué*⁵. В этом плане бытия невозможна уже органическая, синтетически-целостная радость, упоенность красотой. Кажется, что в самой природе, в ее ритме и круговороте что-то бесповоротно надломилось и изменилось. Нет уже и быть не может такой прекрасной весны, такого солнечного лета, нет кристалличности, чистоты, ясности ни в весне, ни в лете. Времена года смешиваются. Не радуют уже так восходы и закаты солнца, как радовали прежде. Солнце уже не так светит. В самой природе, в явлениях метеорологических и геологических совершается таинственный процесс аналитического расслоения и расплывания. Это чувствуют ныне многие чуткие люди, обладающие мистической чувствительностью к жизни космической. О жизни человеческой, о человеческом быте, о человеческой общественности и говорить нечего. Тут все яснее видно, осязатее. Наша жизнь есть сплошная декристаллизация, дематериализация, развоплощение. Успехи материальной техники только способствуют распылению исторических тел, устойчивой плоти родовой жизни. Все устои колеблются, и с ними колеблется не только бывшее зло и неправда жизни, но и бывшая красота и бывшая уют жизни. Материальный мир казался абсолютно устойчивым, твердо скристаллизованным. Но эта устойчивость оказалась относительной. Материальный мир не субстанциален — он лишь функционален. Изжиты уже те состояния духа, которые породили эту устойчивость и кристаллизованность воплощенного материального мира. Ныне дух человеческий вступает в иной возраст своего бытия и симптомы расплывания и распыления материального мира можно видеть всюду: и в колебаниях родовой жизни и всего быта нашего, к роду прикрепленного, и в науке, которая снимает традиционные границы опыта и принуждена признать дематериализацию, и в философии, и в искусстве, и в оккультических течениях, и в религиозном кризисе. Разлагается старый синтез предметного, вещного мира, гибнут безвозвратно кристаллы старой красоты. Но достижений красоты, которая соответствовала бы другому возрасту человека и мира, еще нет.

⁴ Т. е. пассеизм и пассеисты. — А. Р.

⁵ Ненормально; подвержено сумасшествию (*фр.*). — А. Р.

Пикассо — замечательный художник, глубоко волнующий, но в нем нет достижений красоты. Он весь переходный, весь — кризис.

Тяжело, печально, жутко жить в такое время человеку, который исключительно любит солнце, ясность, Италию, латинский гений, воплощенность и кристалличность. Такой человек может пережить безмерную печаль бесповоротной гибели всего ценного в мире. И лишь в глубинах духа можно найти противоядие от этого ужаса и обрести новую радость. В германской культуре менее чувствуется этот кризис, так как германская культура всегда была слишком исключительно духовна и не знала такой воплощенной красоты, такой кристаллизации в материи. Мир меняет свои покровы. Материальные покровы мира были лишь временной оболочкой. От космического ветра должны осыпаться старые листья и цветы. Ветхие одежды бытия гниют и спадают. Это — болезнь возраста бытия. Но бытие неистребимо в своей сущности, нераспылимо в своем ядре. В процессе космического распыления одежд и покровов бытия должен устоять человек и все подлинно сущее. Человек, как образ и подобие бытия абсолютного, не может распылиться. Но он подвергается опасности от космических вихрей. Он не должен отдаваться воле ветра. В искусстве Пикассо уже нет человека. То, что он обнаруживает и раскрывает, совсем уже не человеческое; он отдает человека воле распыляющего ветра. Но чистый кристалл человеческого духа неистребим. Только современное искусство уже бессильно творить кристаллы. Ныне мы подходим не к кризису в живописи, каких было много, а к кризису живописи вообще, искусства вообще. Это — кризис культуры, осознание ее неудачи, невозможности перелить в культуру творческую энергию. Космическое распластование и распыление порождает кризис всякого искусства, колебание границ искусства. Пикассо — очень яркий симптом этого болезненного процесса. Но таких симптомов много. Перед картинами Пикассо я думал, что с миром происходит что-то неладное, и чувствовал скорбь и печаль гибели старой красоты мира, но и радость рождения нового. Это великая похвала силе Пикассо. Те же думы бывают у меня, когда я читаю оккультические книги, общаюсь с людьми, живущими в этой сфере явлений. Но верю, верю глубоко, что возможна новая красота в самой жизни и что гибель старой красоты лишь кажущаяся нам по нашей ограниченности, потому, что всякая красота — вечна и присуща глубочайшему ядру бытия. И расслабляющая печаль должна быть преодолена. Если можно сказать, как истину предпоследнюю, что красота Боттичелли и Леонардо погибнет безвозвратно вместе с гибелью материального плана бытия, на котором она была воплощена, то, как последнюю истину, должно сказать, что красота Боттичелли и Леонардо вошла в вечную жизнь, ибо она всегда пребывала за неустойчивым покровом космической жизни, которую мы именуем материальностью. Но новое творчество будет уже иным, оно не будет уже пресекаться притяжением к тяжести этого мира. Пикассо — не новое творчество. Это — конец старого.